

КРАХ РУССКОГО АНАРХИЗМА

С. Н. Канев

Современный советский читатель представляет себе анархизм в России как контрреволюционное течение конца XIX — начала XX века. Такое представление верно отражает исторический опыт, но вместе с тем оно несколько односторонне. Нередко мы забываем, что анархизм является, по существу, одной из разновидностей мелкобуржуазного революционаризма. И до и после Октября анархисты не скупилась на клятвы в верности революционному делу. Однако в выступлениях контрреволюции 1917—1921 гг. почти всегда встречается обвешанная бомбами фигура анархиста. Этим «ура-революционерам» были свойственны переходы от рассуждений о мировой революции к контрреволюционным действиям. Как вспоминал В. Д. Бонч-Бруевич, В. И. Ленин однажды метко подметил: «От анархизма до контрреволюции — один шаг»¹. В настоящей статье мы попытаемся кратко показать и противоречивость анархизма, и эволюцию его в период нарастания и победы пролетарской революции, и его полный крах как политического течения.

Если поставить вопрос, можно ли говорить о каждом анархисте только как о контрреволюционере всегда и везде, то ответить на него придется так: очевидно, нет. В самом деле, неразумно считать контрреволюционером того, кто не перешел еще известный рубеж. Это нужно подчеркнуть и потому, что «на заре туманной юности» в поисках пути не один честный борец за народное дело отдавал свой пыл борьбе под флагом анархизма. Разве таких борцов можно отнести в разряд контрреволюционеров, не греша против исторической правды?

Анархизм оформился в 40—60-х годах прошлого столетия в Европе, выражая протест против усиления власти крупной буржуазии. У его колыбели стояли П. Ж. Прудон, Макс Штирнер (псевдоним Каспара Шмидта) и М. А. Бакунин. Наибольшее распространение он получил в странах с преобладанием мелкого товарного производства, со значительным удельным весом не только крестьянского населения, но и городской мелкой буржуазии. История европейского, да и не только европейского, анархизма — это печальная история ряда поражений тех отрядов революционного движения, которые в своих действиях следовали за этой псевдоревolutionной теорией. Одновременно это и позорная история предательства интересов трудящихся, от имени которых нередко выступали анархистские вожаки, история их постыдного прислужничества магнатам монополистического капитала. И все же анархизм сохранял свое влияние среди трудящихся в некоторых странах довольно долго, что было «своего рода наказанием за оппортунистические грехи рабочего движения»².

В России анархизм особенно пышно расцвел в 70-е годы и тогда же доказал свою несостоятельность как революционная теория. С момента появления пролетарской партии в России большевики вели непримире-

¹ В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине. М. 1965, стр. 166.

² В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 15.

мую борьбу против оппортунизма справа и «слева», в том числе и с мелкобуржуазной революционностью, заимствованной от анархизма. Эти-то два обстоятельства (исторический опыт прошлого и непримиримая борьба большевиков на два фронта) и объясняют, почему в России, мелкобуржуазной стране, анархизм пользовался незначительным влиянием и в период революции 1905—1907 и в 1917 году. Жизнь подтверждала, что анархизм был и оставался мелкобуржуазным течением. В основе анархистского мировоззрения лежал буржуазный индивидуализм, а анархистская программа была утопической, рассчитанной на то, чтобы сделать скачок от капитализма к коммунизму, минуя диктатуру пролетариата. В тактике, проповедуя отказ от политики вообще, от исповедования парламентских форм борьбы в частности, последователи этого учения, по существу, помогали подчинять рабочее движение руководству буржуазных политиканов. Анархизм, отрицая необходимость пролетарской партии в освободительной борьбе трудящихся, обезоруживал их в пользу буржуазии. Поэтому для врагов рабочего класса анархизм никогда не был по-настоящему серьезным противником. Развитие революции от Февраля к Октябрю и опыт первых лет Советской власти позволяют с полным основанием сделать такой вывод.

Литература по истории русского анархизма интересующего нас периода представлена довольно скромно. Можно назвать лишь брошюры В. В. Святловского, Я. А. Яковлева (Эпштейна), В. Н. Залежского, Б. И. Горева, Ем. Ярославского, монографию А. Д. Косичева, статьи Е. М. Корноухова, Л. А. Кузиной и некоторые другие работы³. Брошюры В. В. Святловского излагают историю анархизма в основном до 1917 г., и лишь небольшую часть одной из них занимает обзор вышедшей с 1917 г. литературы об анархизме. Этому же посвящены и его статьи, опубликованные в 1920 и 1921 годах⁴. А. Д. Косичев рассматривает развитие К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным исторического материализма в борьбе с анархизмом П. Ж. Прудона, М. Штирнера, М. А. Бакунина и П. А. Кропоткина, но сравнительно мало места отводит вопросу об анархизме в Советской России (1917—1922 гг.). В литературе 20—30-х годов показано в общих чертах банкротство этого мелкобуржуазного революционаризма и более детально освещена роль махновщины в анархизме. Но эта проблема выходит за пределы нашей темы⁵. Брошюры Б. Горева, В. Залежского, М. Раевич-Черкасского и Ем. Ярославского, популярные по своему характеру, имеют сравнительно узкую источниковедческую базу. На более широком круге источников основаны статьи Е. М. Корноухова и Л. А. Кузиной, но в них анализируются только позиции анархистов-коммунистов и анархистов-синдикалистов и не затрагиваются другие анархистские течения, имевшиеся в рабочем движении.

³ В. В. Святловский. Анархизм. Его сущность и учение. П. 1917; его же. Очерки по анархизму. П. 1922; Я. Яковлев. Русский анархизм в Великой русской революции. П. 1921; В. Залежский. Анархисты в России. М. 1930; Б. И. Горев. Анархисты в России (от Бакунина до Махно). М. 1930; М. Раевич-Черкасский. Анархисты. Харьков. 1930; Ем. Ярославский. Анархизм в России. М. 1939; Ф. Н. Полянский. Критика анархизма В. И. Лениным. «Критика экономических теорий предшественников современного ревизионизма». М. 1964; Борьба марксизма-ленинизма с идеологией анархизма и современность. М. 1964; С. Н. Канев. Создание Высшего Совета Народного Хозяйства и борьба Коммунистической партии против анархо-синдикализма (ноябрь 1917 г.— май 1918 г.). «Некоторые вопросы истории КПСС». Сборник статей. Вып. III. Л. 1964; Е. М. Корноухов. Деятельность партии большевиков по разоблачению мелкобуржуазной революционности анархистов в период подготовки и победы Октября. «Из истории борьбы ленинской партии против оппортунизма». Сборник статей. М. 1966; Л. А. Кузина. Из истории борьбы большевиков против анархистов в период подготовки Октябрьской революции. «Ленин, Партия, Октябрь». Сборник статей. Л. 1967.

⁴ «Вестник литературы», 1920, №№ 10(22), 12(24); 1921, № 2(26).

⁵ Тех, кто пожелает познакомиться с ней ближе, можно отослать к статье С. Н. Семанова «Махновщина и ее крах» («Вопросы истории», 1966, № 9).

Исследование истории борьбы марксизма-ленинизма против анархизма, в частности борьбы большевиков против его русской разновидности, имеет большое значение в идеологической работе Коммунистической партии. Следует учитывать, что современные буржуазные историки проявляют особый интерес к анархизму. Стремясь подорвать влияние марксизма-ленинизма на рабочий класс, широкие массы трудящихся, они утверждают, будто партия большевиков в период Великой Октябрьской социалистической революции и последующего социалистического строительства проводила в жизнь принципы анархизма. Фальсификаторы истории в извращенном виде трактуют политику В. И. Ленина и большевиков, объявляя ее анархистской⁶.

Накануне Февральской революции в России изредка раздавались слабые голоса анархистских агитаторов на промышленных предприятиях некоторых городов. Но они тонули в грохоте войны, не производя впечатления на рабочую массу. Да и само анархистское движение было хилым. Оно еще не оправилось от возникшего в связи с первой мировой войной кризиса и раскола на социал-шовинистов и интернационалистов. Вожди и теоретики анархизма находились в эмиграции. Самые известные из них (П. А. Кропоткин, например), ставшие социал-шовинистами, проповедовали защиту отечества в империалистической войне. Их прозвали «анархо-траншейниками». Обособившаяся незначительная эмигрантская группа интернационалистов (А. Ге и другие) оставалась слабой и не оказывала никакого влияния на антивоенные революционные выступления трудящихся. Об анархистах в самой России имеются весьма скудные сведения. Небольшие анархистские группы существовали в Петрограде, Москве, Туле, Орле, Бежице и Кинешме. На этом, собственно, и кончается «география» сети анархистских организаций накануне Февральской революции.

В анархистских рядах насчитывалось тогда немногим более 220 человек⁷. Среди них велась борьба двух течений: анархо-коммунистического и анархо-синдикалистского. Первые считали, что на второй день после победы социальной революции должен быть введен безгосударственный строй, исключающий всякое управление. Они требовали, чтобы немедленно был провозглашен переход к коммунизму и осуществлено распределение «по потребностям». Вторые, соглашаясь с введением безгосударственного строя, предлагали, однако, создать общество, руководимое федерацией синдикатов (профсоюзов), призванной взять в свои руки организацию производства и распределения. Преобладало первое течение⁸, идейным вождем которого являлся П. А. Кропоткин. Из более известных деятелей — последователей Кропоткина — отметим А. Карелина, А. Ге, Я. Новомирского. Анархо-синдикалистское течение возглавили В. Волин (псевдоним В. М. Эйхенбаума), Е. Ярчук (Х. З. Ярчук), Г. Максимов (иногда он подписывался «Григорий Лапоть»).

В дни Февральской революции русские анархисты никак себя не проявили, если не считать захвата ими пустовавшей дачи бывшего царского министра Дурново на Полюстровской набережной в Петрограде, где расположилась местная «Федерация анархистов-коммунистов». Как

⁶ R. Pipes. The Formation of the Soviet Union. Communism and Nationalism. 1917—1923. Cambridge, Mass. 1964; O. H. Radkey. The Sickle and Hammer: The Russian Socialist Revolutionaries in the Early Months of Soviet Rule. N. Y. and L. 1963; R. V. Daniels. Consience of Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia. Cambridge, Mass. 1960; P. H. Avrich. The Bolshevik Revolution and Worker's Control in Russian Industry. «Slavic Review». Vol. XXII, 1963, № 1; E. H. Carr. The Bolshevik Revolution. 1917—1923. Vol. 1—2. N.Y. 1951—1952; G. v. Rauch. Geschichte des bolschewistischen Russland. Wiesbaden. 1956; H. v. Rimscha. Führung und Herrschaft in Sowjetsystem. «Aus Politik und Zeitgeschichte», 1966, Bd. 5/56, Februar.

⁷ «Очерки истории анархического движения в России». М. 1926, стр. 322.

⁸ Б. И. Горев. Указ. соч., стр. 105; В. Залужский. Указ. соч., стр. 30.

общественно-политическая сила они составляли ничтожную величину. Но не исключалась возможность возрождения анархистского движения, и партия большевиков учитывала это, зная, что его политики заигрывали с идеей «крайней революционности». Действительно, после свержения царского самодержавия анархисты все громче заявляли о себе. Их ряды пополнились вышедшими из тюрьмы и возвратившимися из ссылки активистами. Изображая себя «борцами за народное дело», они агитировали рабочих, солдат и матросов вступать в анархистские организации. Вскоре они получили подкрепление в лице возвратившихся из эмиграции идейных вождей анархизма. Из Лондона 12 июня 1917 г. в Петроград прибыл П. А. Кропоткин⁹, самый крупный и признанный теоретик русского и международного анархизма. Приехал в столицу из Нью-Йорка В. Волин¹⁰. Партия большевиков, ведя борьбу с соглашательством меньшевиков и эсеров, предостерегала в то же время трудящихся и от увлечения мнимой революционностью бунтарей-анархистов. В «Правде» и других печатных органах большевиков в дни от Февраля к Октябрю было опубликовано свыше 10 статей В. И. Ленина с критикой анархизма¹¹. Выступали с такими статьями и другие деятели большевистской партии. Местные партийные организации, разъясняя массам отношение большевиков к анархистам, проводили лекции, митинги, беседы. В протоколе заседания комитета большевиков Колпинской организации 29 мая 1917 г., например, читаем: «Поручить тов. Стукову прочесть лекцию об анархизме»¹². На митинге рабочих Невского судостроительного завода, посвященном вопросу «Социализм и анархизм», произнес речь В. Володарский, обосновывая политику большевиков. Его слушало около двух тысяч человек. Выступление было «очень успешным» — записано в «Журнале учета лекций, докладов и митингов» Петроградского комитета большевиков¹³. На ту же тему в Обуховском саду, где присутствовало 800 человек, прочитал лекцию секретарь Невского районного комитета большевиков А. И. Слуцкий. «Настроение наше» — гласит запись в том же «Журнале»¹⁴.

Но было бы неправильно из приведенных оценок публичных выступлений большевиков сделать вывод, будто уже никто из рабочих, революционных солдат и матросов не поддерживал анархистов, которые не ограничивались идейной пропагандой, а наряду с этим стали на путь создания анархистских организаций. Если до Февральской революции анархистские группы существовали, как уже указывалось, в 6 городах, то к Октябрю они действовали уже в 21 городе России¹⁵. Такое расширение сети анархистских организаций объяснялось некоторым усилением влияния последователей учения Прудона, Штирнера и Бакунина, вызванным колебаниями, происходившими среди части мелкобуржуазных, неустойчивых слоев населения, которые в дни Февральской революции шли за меньшевиками и эсерами, а потом, разочаровавшись в их соглашательской политике, постепенно отходили от них и хватались за крикливую «революционность» анархистов. Стихия мелкобуржуазного соглашательства в дни февральско-мартовских событий 1917 г. увлекла и часть рабочего класса. Затем, в ходе развития революции, эти рабочие приобретали опыт борьбы. Росла их политическая сознательность. Полученный ими опыт и знания привели их к активной поддержке боль-

⁹ Н. К. Лебедев. Музей П. А. Кропоткина. М.-Л. 1928, стр. 46.

¹⁰ Б. И. Горев. Указ. соч., стр. 107, 121.

¹¹ Подсчитано по 31—35-му томам Полного собрания сочинений В. И. Ленина.

¹² Ленинградский партийный архив (ЛПА), ф. 2315, оп. 1, ед. хр. 2, л. 5.

¹³ Там же, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 22, л. 11.

¹⁴ Там же, л. 10.

¹⁵ Подсчитано по данным Е. М. Корноухова. См. Е. М. Корноухов. Указ. соч., стр. 272—273. Здесь и ниже не включены сведения об анархистах Украины, Закавказья, Средней Азии и Прибалтики.

шевиков. Но далеко не для всех представителей рабочего класса такой путь оказался прямолинейным. Некоторые из рабочих не избежали заблуждений относительно «революционности» бунтарей. Подобные заблуждения носили такой же временный характер, что и соглашательские иллюзии, и преодолевались в процессе дальнейшего развития революции. Наблюдения за расширением анархистского влияния позволяют сделать вывод, что рост анархистских организаций сопровождался разложением внутри самого этого движения. Кроме существовавших двух ранее отмеченных течений, появились новые, точнее, возродились анархизм-индивидуализм и христианский, или «мирный», анархизм («толстовцы»). Как первый, так и второй имели общую политическую направленность. Индивидуалисты выступали против подчинения личности коллективной воле организации. Профессор А. Боровой, примыкавший к ним, писал, что анархизм не признает ни долга, ни ответственности, ни коллективной дисциплины¹⁶. Нетрудно догадаться, что такая проповедь вносила дезорганизацию в ряды революционных борцов. А это было выгодно буржуазии, которая вела наступление на завоевания рабочих и крестьян. Не менее антиреволюционной являлась идеология «мирных» анархистов, искусственно соединявшая анархизм и социализм с христианством. Приверженцы этих взглядов заявляли, будто социализм возможен без революции. «Христиане» полагали, что классы угнетателей будут стыдиться применять правительственную власть для защиты своих корыстных интересов. И это писалось в органе «толстовцев» после июльских событий 1917 г., после того, как Временное правительство расстреляло мирную демонстрацию петроградских рабочих! «Толстовцы» уговаривали рабочих осуществить анархизм и социализм «с удержанием (то есть с сохранением — С. К.) существующего порядка», «без насилия и с готовностью жертв»¹⁷. Такая контрреволюционная утопия отвечала интересам черносотенных помещиков и крупной, монополистической буржуазии. К их выгоде служили и действия других подобных течений. К середине 1917 г. в русском анархизме оформились два крыла: на одном находились «мирные» анархисты, уговаривавшие трудящихся не братья за оружие, на другом — анархо-бунтари, считавшие, что революцию можно «сделать» в любой момент, и толкавшие рабочих, солдат и матросов на немедленное восстание. Первых рабочих революционные солдаты и матросы не хотели и слушать. Но за вторыми пошла некоторая часть рабочих, разочаровавшаяся в соглашательской политике меньшевиков и эсеров.

Пользуясь ростом недовольства и возмущения со стороны масс империалистической политикой Временного правительства, анархистские вожаки перешли к «боевым» действиям, толкая тем самым массы к преждевременному вооруженному выступлению. 5 июня вооруженный отряд (50 человек) во главе с секретарем Петроградской федерации анархистов-коммунистов И. Блейхманом захватил редакцию, контору и типографию буржуазной газеты «Русская воля». После переговоров с делегацией Петроградского Совета анархисты, однако, согласились освободить помещение «Русской воли». Сама по себе эта акция была мелочным происшествием на фоне развертывавшейся гигантской битвы между пролетариатом и буржуазией. Но контрреволюция ухватила за этот акт как повод для репрессий. В ответ на захват «Русской воли» 7 июня министр юстиции Временного правительства П. Переверзев отдал приказ очистить от анархистов дачу Дурново, где, кроме них, размещались рабочий клуб «Просвет» и правление профсоюзов Выборг-

¹⁶ А. Боровой. Анархизм. М. 1918, стр. 13.

¹⁷ «Единение», 1917, № 2, стр. 1. Заметим попутно, что утверждение О. Ф. Соловьева (см. «Великий Октябрь и его противники». М. 1968, стр. 35) о каких-то временных соглашениях большевиков с анархистами — при этом делается ссылка на работу Б. Горева (указ. соч., стр. 108) — другими документами не подтверждается.

ской стороны. Естественно, пролетарские массы расценили приказ Переверзева как наступление на их права, завоеванные в революции. Поднялась волна возмущения и протеста. В тот же день забастовали рабочие 4 предприятий, а назавтра — уже 28 заводов Выборгской стороны¹⁸. Временному правительству пришлось отступить. Оно лавировало. Не считаясь с общей обстановкой в стране, анархисты использовали взрыв народного негодования действиями Временного правительства, чтобы спровоцировать вооруженное выступление.

На даче Дурново 9 июня анархисты собрали конференцию представителей заводов и воинских частей. На конференции присутствовали делегаты от 95 предприятий района¹⁹. По инициативе организаторов конференции был образован «Временный революционный комитет», куда послали своих представителей даже коллективы большевиков некоторых заводов и воинских частей (от солдат Павловского полка был делегирован большевик П. А. Арский²⁰). Но по совету ЦК большевистской партии они вскоре покинули этот комитет, призвавший рабочих и солдат выйти на улицу и вооруженным путем свергнуть Временное правительство. Еще до событий, разыгравшихся вокруг дачи Дурново, в ЦК партии большевиков поступали из районов предложения организовать демонстрацию рабочих и солдат столицы. Этот вопрос не раз обсуждался на заседании ЦК партии и совещаниях ЦК с партийными работниками в период со 2 по 8 июня²¹. Чтобы дать организованному и мирный выход неужержимо нарастающему недовольству и возмущению масс политикой Временного правительства, ЦК партии большевиков назначил демонстрацию на 10 июня. Анархисты решили воспользоваться этим выступлением и «соединить с ней (демонстрацией.— С. К.) захват нескольких типографий и помещений»²². Их намерения поддерживали некоторые группы рабочих. Большевики, готовя мирную манифестацию, предостерегали рабочих, солдат и матросов от несогласованных действий. Становилось очевидным, что революционные массы пойдут за партией Ленина. Боясь дальнейшего усиления влияния большевиков, меньшевики и эсеры провели через Всероссийский съезд Советов, заседавший в те дни в Петрограде, позорное решение: запретить демонстрацию. В результате буржуазная контрреволюция получила «законное» основание для расправы с массами. Уводя их из-под удара врагов революции, ЦК партии большевиков в ночь с 9 на 10 июня отменил демонстрацию.

На митингах и собраниях рабочих, солдат и матросов против отмены манифестации выступали анархисты, толкая массы на неорганизованные действия. Правда, не все анархисты были сторонниками такого выступления. Вот митинг матросов на Якорной площади Кронштадта. Солнечное утро 10 июня. Десятки тысяч матросов, рабочих и солдат собрались перед отъездом в Петроград. Накануне большевики агитировали за демонстрацию. А сегодня им приходится успокаивать массы. На трибуну поднимается председатель Кронштадтского Совета А. М. Любич, привезший решение ЦК большевиков об отмене демонстрации. Он сообщает эту весть. Публика встречает слово «отмена» с негодующим ревом. А. М. Любичу пришлось покинуть трибуну. Его сменяет руководитель фракции большевиков в Совете И. П. Флеровский. Он пытается доказать, что раз мирное шествие запрещено съездом Советов, то остается дать бой контрреволюции с оружием в руках, но петроградский гарнизон, фронт и провинция не готовы к этому. И ему публика

¹⁸ «Петроградские большевики в Октябрьской революции». Л. 1957, стр. 169.

¹⁹ Е. М. Корноухов. Указ. соч., стр. 290.

²⁰ «В огне революционных боев». М. 1967, стр. 521.

²¹ Я. М. Свердлов. Избранные произведения. Т. 2. М. 1959, стр. 26.

²² «Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г.» (в дальнейшем — «Первый легальный ПК»). М.-Л. 1927, стр. 163.

не дает закончить речь... Поднимается на трибуну анархо-синдикалист Е. Ярчук. Он работал среди матросов корабля «Ястреб» и стяжал себе популярность резкой и остроумной критикой Временного правительства во время митингов на Якорной площади. Ярчук заявляет: «Без большевиков идти нельзя, без организации, без руководства не победишь»²³. И его публика выпроваживает с трибуны негодующим ревом. На трибуне оказывается анархист Аснин, прибывший с дачи Дурново. «Аснин на трибуне был чрезвычайно живописен. Черный длинный плащ, мягкая широкополая шляпа, черная рубашка взабой²⁴, высокие охотничьи сапоги, пара револьверов за поясом, в руке наотмашь винтовка, на которую он опирался»²⁵, — так его описывает И. П. Флеровский в своих воспоминаниях. Отметим еще одну деталь, рисующую внешность анархо-бунтаря, — черную клином бороду. Увидев столь импозантную фигуру, масса, жаждавшая боевых действий, затихла. Люди, затаив дыхание, ждали, что скажет представший перед ними «герой»... Он повторил прозвучавший до него провокационный призыв — «идти на помощь» Петрограду, где рабочие и солдаты вышли на демонстрацию, но их бьют. К счастью для руководителей митинга, Аснин оказался выкудышным оратором и не сумел воспользоваться эффектом, вызванным его появлением. Его косноязычная речь не произвела впечатления на публику. На Якорной площади продолжали кипеть страсти. Наэлектризованная толпа не могла успокоиться. Нужен был громовод. Эту роль сыграло предложение И. П. Флеровского: послать делегацию в Петроград, чтобы узнать, что там делается. Так удалось предотвратить выступление кронштадтцев 10 июня. Большевики удержали рабочих и солдат Питера от выхода на улицу.

Между тем «Временный революционный комитет», узнав об отмене демонстрации, назначил выступление на 14 июня. Анархисты зывали к себе на дачу представителей от рабочих коллективов. Комитету удалось собрать делегатов от 150 предприятий и воинских частей²⁶. Значительное увеличение представительства рабочих и солдат в комитете на даче Дурново еще не говорило о росте его влияния: оно отражало лишь стремление масс выйти на улицу для действий. Опасность стихийного выступления была настолько велика, что соглашательские вожди Советов оказались вынужденными назначить общую демонстрацию, избрав для этого день 18 июня. Но ведь до общей демонстрации предстояла назначенная анархистами на 14 июня манифестация. Центральный и Петроградский комитеты большевиков высказались против несогласованных выступлений революционных сил. Эту линию проводили и районные и заводские партийные организации большевиков. В протоколе общего собрания партийного коллектива Металлического завода от 10 июня записано: «Собрание по поводу манифестации носило бурный характер. Принято большинством голосов удерживать от разрозненной демонстрации»²⁷. 14 июня в «Правде» было опубликовано принятое накануне Петроградским комитетом большевиков постановление, предлагавшее всем членам партии и всем партийным организациям добиться, чтобы ни один завод, ни одна воинская часть не вышли на демонстрацию без призыва ЦК и военной организации большевиков. Партия большевиков звала трудящихся энергично готовиться к всеобщей демонстрации 18 июня. И эта демонстрация стала боевым смотром революционных сил, выступавших против правительства буржуазии.

²³ Цит. по: И. П. Флеровский. Большевицкий Кронштадт в 1917 г. Л. 1957, стр. 45.

²⁴ Речь, видимо, идет о жабо.

²⁵ И. П. Флеровский. Указ. соч., стр. 45.

²⁶ «Первый легальный ПК», стр. 173.

²⁷ ЛПА, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 1, л. 40.

Во время демонстрации 18 июня анархисты устроили набег на тюрьму «Кресты», где в заключении находилась часть их единомышленников. Там содержался и незаконно арестованный член военной организации большевиков Ф. П. Хаустов. Воспользовавшись налетом анархистов, реакционеры организовали побег части заключенных из Пересыльной тюрьмы²⁸. Факт освобождения Хаустова буржуазная контрреволюция постаралась использовать против большевистской партии, обвинив ее в совместном с псевдореволюционерами заговоре. Вновь развернулись события вокруг дачи Дурново. 19 июня во главе с министром юстиции П. Переверзевым, прокурором Н. Каринским и генералом П. Половцевым казачья сотня и батальон пехоты с бронемашиной направились на дачу, требуя выдачи освобожденных из тюрьмы. Получив отказ, налетчики устроили погром и арестовали 59 человек²⁹. Жертвой «лихой атаки» оказался тот самый Аснин, который выступал перед кронштадтскими матросами 10 июня. На теле убитого обнаружили непристойную татуировку. Этот факт обыгрывала на все лады соглашательская пресса. Но никакого «большевистского заговора» налетчики на даче обнаружить не смогли.

Цель буржуазной контрреволюции состояла в разгроме не столько анархистов, сколько пролетарских революционных сил. Это хорошо понимали революционные рабочие. Весть о погроме на даче Дурново взбудоражила всю заводскую Выборгскую сторону. В тот же день забастовали рабочие четырех заводов³⁰. Вновь нарастала опасность разрозненных стихийных выступлений, с которыми легко могла расправиться буржуазия, и опять в обстановке, когда возмущение масс переливалось через край, анархисты толкали их на преждевременное вооруженное восстание, выгодное лишь реакционным силам. Партия большевиков удержала массы от опрометчивого шага. На заседании Петроградского комитета большевиков 20 июня организатор Выборгского района М. Я. Лацис сообщал: «Мы два дня держали массу. Она ставит нам ультиматум... Мы должны иметь наготове разработанный план, как нам действовать, если масса вырвется на улицу»³¹. А вот документ заводского собрания рабочих. Это протокол общего собрания Металлического завода от 20 июня, на котором обсуждался вопрос об аресте анархистов с дачи Дурново. В нем сказано: «Собрание носило бурный характер, и с трудом удалось убедить и успокоить»³².

Обстановка в столице продолжала обостряться. Наступило начало июля. Сообщения о провале наступления русской армии на фронте вызвали новый взрыв народного негодования против империалистической политики войны. Рабочие, революционные солдаты и матросы в Петрограде рвались на улицу, чтобы свергнуть ненавистное им правительство. Но объективные условия для победоносного восстания еще не возникли. Большевики призывали массы воздержаться от вооруженного выступления, пока развитие революции не приведет к общенациональному кризису. Противоположную позицию занимали анархисты. 3 июля состоялся митинг в 1-м пулеметном полку, на котором держал речь от федерации анархистов-коммунистов И. Блейхман. Он предложил солдатам выйти из казарм и свергнуть Временное правительство. Еще в июньские дни представители «Временного революционного комитета» призывали пулеметчиков к вооруженному выступлению. Тогда пулеметчики заявили, что не разделяют тактики анархистов, но протестуют против разгрома дачи Дурново и выйдут на улицу, если их призовет ЦК

²⁸ «Переписка Секретариата ЦК РСДРП (6) с местными партийными организациями». Сборник документов. Т. I. М. 1957, стр. 18.

²⁹ Е. М. Корноухов. Указ. соч., стр. 295.

³⁰ «Первый легальный ПК», стр. 185.

³¹ Там же, стр. 193.

³² ЛПА, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 1, л. 43.

РСДРП(б)³³. Однако в начале июля настроение пулеметчиков стало иным. Провоцируя их на выступление, анархисты не останавливались перед прямым обманом. Член анархистской группы П. Голубушкин заверил их в том, что Путиловский завод уже давно готов к вооруженному выступлению. Большевики И. Н. Ильинский, И. Ф. Казаков, К. Н. Романов доказывали, что следует отказаться от выступления, которое может принести только вред делу революции. Но возмущенные империалистической политикой Временного правительства солдаты не хотели их слушать. Митинг принял решение: немедленно выйти на улицу и с оружием в руках добиться перехода всей власти к Советам³⁴. Пулеметчики пытались втянуть в вооруженное восстание матросов Кронштадта и послали к ним своих представителей³⁵. К восстанию звали рабочих и солдат анархисты, возглавившие делегации пулеметчиков на заводы и воинские части³⁶. Мог разгореться решительный бой, обреченный в тех условиях на неудачу. Дело принимало серьезный оборот. Пулеметный полк «стал уже возводить у себя баррикады»³⁷. Вслед за пулеметчиками выступили Гренадерский, Московский и другие полки. К 9 часам вечера 3 июля уже семь полков вышли из казарм³⁸. Они двинулись к дворцу Кшесинской. Туда потянулись вереницы делегаций с заводов. Вышли из заводских ворот путиловцы, рабочие Выборгской стороны³⁹. Выступившие просили большевиков взять руководство движением в свои руки. Газета «бунтарей» «Буревестник» впоследствии, в номере от 27 января 1918 г., писала, что июльские дни были созданием, делом анархистов. Но если анархисты ставили это себе в заслугу, то движение было примером того, как не следует «делать революцию».

Только благодаря усилиям партии большевиков и ее авторитету удалось предотвратить не вовремя задуманное восстание. «По пятам», за каждой делегацией пулеметчиков, посылала партийная организация большевиков своих представителей, которые разъясняли рабочим и солдатам опасность затеянной анархистами авантюры. Во всех воинских частях настроение большинства солдат постепенно изменялось в пользу мирной вооруженной демонстрации. За один день 3 июля в 1-м пулеметном полку лобывали 23 представителя военной организации большевиков⁴⁰. После их разъяснений изменилось и настроение пулеметчиков в пользу мирной манифестации, но солдаты заявили, что выйдут на демонстрацию с оружием в руках. Прибывшие 4 июля из Кронштадта вооруженные матросы под большевистскими лозунгами мирным маршем проследовали от Английской набережной до дворца Кшесинской, оттуда через Невский проспект к Таврическому дворцу, чтобы потребовать от Совета взять всю полноту власти в свои руки. Представители Петроградской организации большевиков, посланные на предприятия, также склонили рабочих к мирной манифестации. В итоге авангард революционных сил был выведен из-под удара буржуазной контрреволюции.

События 3—5 июля ознаменовали поворотный пункт в развитии революции. Установилось единовластие буржуазии. Возможность мирного развития революции кончилась. Большевистская партия взяла курс на вооруженное восстание. В середине октября В. И. Ленин поставил

³³ «Первый легальный ПК», стр. 186.

³⁴ Е. М. Корноухов. Указ. соч., стр. 299—300; «Очерки истории Ленинградской организации КПСС». Ч. I. Л. 1962, стр. 510.

³⁵ И. П. Флеровский. Указ. соч., стр. 55.

³⁶ «Вторая и Третья Петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 года». М.-Л. 1927, стр. 50.

³⁷ Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М. 1967, стр. 295.

³⁸ «VI съезд РСДРП (б)». Протоколы. М. 1958, стр. 65.

³⁹ Я. М. Свердлов. Избранные произведения, Т. 2, стр. 28.

⁴⁰ «Вторая и Третья Петроградские общегородские конференции большевиков», стр. 58.

вопрос: либо большевики возглавят действия революционного народа в предстоящем бою, либо массы «по-анархически» расправятся со старым строем. Последнее могло произойти, по мнению В. И. Ленина, в том случае, «если не сумеют руководить ими (массами.— С. К.) в решительном бое большевики»⁴¹. Рост анархистских настроений осенью 1917 г. еще не говорил об увлечении рабочих, солдат и матросов анархизмом как идейным течением. Речь шла лишь об усилении элементов «стихийного анархизма», вызванного войной и разрухой, голодом и нищетой. Конечно, вожаки анархизма, используя такие настроения, расширяли свои связи с массами. Об этом говорилось на заседании Петроградского комитета большевиков 15 октября. Представитель Рождественского района А. Е. Аксельрод отмечал заметное расширение влияния анархистов. Делегат Нарвского района М. С. Горелик сообщал: «На Путиловском заводе энергично работают анархисты, так что рабочую массу трудно удержать в организационных рамках»⁴². Но большевики прочно удерживали за собой массы трудящихся.

С чем же пришли анархисты к Октябрьскому вооруженному восстанию? Они «рвались» к восстанию, но, когда наступил час решительного боя, оказалось, что их силы ничтожны. Секретарь Петроградской федерации анархистов-коммунистов И. Блейхман считал, что в октябре 1917 г. из 18 тыс. членов этой организации готовы были участвовать в бою не более 500 человек⁴³. Следует обратить внимание на то, что запись с этими сведениями Блейхман сделал на обороте своего мандата 29 октября, то есть после победы вооруженного восстания. А сколько анархистов фактически участвовало в нем? Достоверных данных об этом нет.

Часть анархистов оказалась вовлеченной в борьбу за Советскую власть самой логикой развития революции и вопреки собственным идеям. Наиболее энергичные из них, способные до конца и без колебаний на решительный бой с буржуазией, были привлечены к участию в важнейших операциях Октябрьского восстания. Анархист-коммунист И. П. Жук возглавил отряд шлиссельбургских красногвардейцев из 200 человек⁴⁴ и активно сражался за победу Октября. Анархист А. Г. Железняков (точнее: Желизников), стоявший во главе отряда матросов, участвовал в штурме Зимнего дворца⁴⁵. Анархисты входили и в штаб восстания — ВРК при Петроградском Совете (анархист-коммунист И. Блейхман, независимый анархист Г. Богацкий, анархисты-синдикалисты В. Шатов и Е. Ярчук). Правда, не все они были представителями анархистских организаций. В. Шатов вошел в ВРК как член Центрального Совета фабзавкомов, Е. Ярчук — как член штаба кронштадтских матросов. И. Блейхман и Г. Богацкий вошли в ВРК уже после Октябрьского восстания⁴⁶. Не приходится говорить о какой-либо руководящей их роли в боевом штабе восстания. Они были увлечены всем ходом событий, которым руководили большевики. А кое-кто из анархистов не только оказался не у дел, но был напуган могучим и организованным движением масс. Описывая, как на минном заградителе «Амур» матросы отплывали из Кронштадта в Петроград для участия в Октябрьском восстании, И. П. Флеровский сообщал: «Медленно тронулся «Амур» с матросами, сплошь покрывшими палубу. Было их свыше двух тысяч, жались, громоздились, где могли, и не двигались,— для ходьбы не было

⁴¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 413.

⁴² «Красная летопись», 1922, № 2—3, стр. 328—329.

⁴³ «Петроградский Военно-революционный комитет». Документы и материалы (в дальнейшем — «Петроградский ВРК»). Т. I. М. 1966, стр. 272.

⁴⁴ «Петроградские большевики в Октябрьской революции», стр. 382; «Очерки истории Ленинградской организации КПСС». Ч. I, стр. 588.

⁴⁵ «Петроградские большевики в Октябрьской революции», стр. 386.

⁴⁶ «Петроградский ВРК». Т. I, стр. 272, 349.

места. В каюте судового комитета, где разместился штаб, тоже теснота и давка. В уголке прикорнул Блейхман, растерянный, забытый и никому не нужный с его анархизмом. Он сам чувствовал свою ненужность, и вся фигура его говорила о какой-то робости, словно просила, чтобы его «пожалуйста» не трогали. Через несколько дней он снова будет «призывать», а теперь... теперь Блейхман немножко жалок, как и его призывы. Не символ ли это анархизма с бурливой словесностью и никчемностью в революции?»⁴⁷.

Что можно сказать о других анархистах, вошедших в состав ВРК? До Октябрьского восстания В. Шатов не раз высказывался против захвата власти пролетариатом⁴⁸. В дни Октября, как и Е. Ярчук, он пошел с большевиками и выполнял отдельные поручения ВРК. После Октябрьской революции его пути с Ярчуком разошлись. Шатов продолжал сотрудничать с большевиками, потом отказался от прежних воззрений. Е. Ярчук, провозглашавший лозунги «Вся власть Советам!», «За диктатуру пролетариата!», получил мандат от Кронштадтского Совета на II Всероссийский съезд Советов, но сторонником Советской власти он не стал. Среди анархистов подобных «деятелей» было немало. «Мы не боролись за Советскую власть», — признавался вождь индивидуалистов Бр. Гордин (А. Гордин)⁴⁹. «Мы не признаем захвата политической власти»⁵⁰, — писал идеолог анархизма-синдикализма В. Волин. Порицания Октября слышались и из рядов анархистов-коммунистов. Видный сторонник Кропоткина А. Атабекян осуждал участие анархистов в борьбе за захват власти⁵¹. По сообщению Ив. Книжника, бывшего единомышленника и близкого друга П. А. Кропоткина, сам теоретик международного и русского анархизма «оказался чужим для Октябрьской революции»⁵². Правда, позднее Кропоткин позитивно оценил значение Великой Октябрьской социалистической революции⁵³.

Итак, русские анархисты в большинстве своем были против Октябрьского вооруженного восстания и установления Советской власти. Это и понятно. Революция опрокинула их идейные установки. Великий Октябрь, как справедливо заметил Б. И. Горев, вырвал у анархистов их «социальное жало»⁵⁴ лишил их того самого оружия, посредством которого они демагогически могли в какой-то мере оказывать влияние на массы. Хотя после Октября наблюдался еще некоторый рост анархистских рядов, но судьба этого движения была уже решена.

Еще накануне Октябрьского восстания часть анархистов заявляла: если возникнет опасность со стороны буржуазии и помещиков, то «мы временно поддержим диктатуру пролетариата»⁵⁵. Но она сразу же натолкнулась на сопротивление «твердолобых». Тем не менее новое веяние продолжало распространяться. Некоторые «антигосударственники» даже решили защищать Советскую власть. В составе красногвардейских и матросских отрядов они отправились на фронт против Керенского — Краснова. Отстаивая только что родившееся Советское государство, отдельные противники государства отдали свою жизнь за социалистическую Родину. Преданность делу революции оказалась сильнее их идейных предрассудков. Потери анархистов в первых боях

⁴⁷ И. П. Флеровский. Указ. соч., стр. 97.

⁴⁸ «Октябрьская революция и фабзавкомы». Материалы по истории фабрично-заводских комитетов. Ч. I. М. 1927, стр. 215; ч. II. М. 1927, стр. 165.

⁴⁹ «Анархия», 20. III. 1918.

⁵⁰ «Голос труда», 3(16). XI. 1917.

⁵¹ Ал. Атабекян. Вопросы теории и практики. Об анархистской литературе, тактике и организации. М. 1918, стр. 8.

⁵² «Красная летопись», 1922, № 4, стр. 29.

⁵³ В. Д. Бонч-Бруевич. Указ. соч., стр. 410.

⁵⁴ Б. И. Горев. Указ. соч., стр. 124.

⁵⁵ «Свободная коммуна», 13. IX. 1917.

за власть Советов составили 16 человек⁵⁶. Нельзя не отметить, что какая-то часть из рядов анархистов сыграла активную роль в организации защиты завоеваний Октября. Так, А. Г. Железняков состоял членом революционного комитета сводного отряда моряков, сражавшегося под Пулковскими высотами.

Участие в Октябрьском восстании и отражении первых атак контрреволюции несколько расширило влияние анархизма на массы. Установившаяся пролетарская социалистическая демократия открыла широкий простор политической деятельности трудящихся. Этим и воспользовались анархисты. В Петрограде, Москве, Иваново-Вознесенске и других городах они получили помещения под свои клубы. В Петрограде, например, эти клубы действовали в Нарвском, Выборгском, Московском, Василеостровском районах⁵⁷. Анархисты обзавелись типографиями и развернули довольно широкую издательскую деятельность. Их газета «Буревестник», первый номер которой вышел 11 ноября 1917 г., печаталась в 15 тыс. экземпляров. Однако вскоре она стала терять своих читателей, а к концу месяца ее тираж упал уже до 8 тысяч⁵⁸. Но сеть анархистских организаций все же продолжала расти. В декабре 1917 г. анархистские организации имелись в 25, а в 1918 г. — уже в 73 городах и рабочих поселках страны⁵⁹. Однако за внешней оболочкой роста анархистского движения таился все более углублявшийся процесс его разложения. В нем обособлялись все новые и новые направления. К существовавшим ранее течениям прибавился анархизм-федерализм (Н. Проферансов, Н. Лебедев). Его последователи, объединившиеся вокруг газеты «Рабочая жизнь» (Москва), отрекались от анархизма и анархизма-синдикализма и объявляли себя сторонниками «чистого» синдикализма, идей децентрализации и федерализма. Из индивидуалистического направления выделился пананархизм (всеобщая и немедленная анархия). Его вожди — братья А. Л. и В. Л. Гордины (они часто подписывались: «Бр. Гордины» или «Бр. Гордин») — возглавили так называемый Союз пяти угнетенных. В их манифесте провозглашалось: «Дворники, творите анархию! Швейцары, творите анархию! Проститутки, творите анархию! Преступники, воры и убийцы, рыцари ночи, станьте рыцарями дня, творите анархию!»⁶⁰. Обращенный к «рыцарям ночи» призыв нашел живейший отклик. В анархистские организации еще больше потянулись люди, связанные с уголовным миром. На это обратили внимание даже иностранные наблюдатели. «Анархистские массы рекрутировались из отбросов населения»⁶¹, — писал Жак Садуль.

Что же влекло «рыцарей ночи» в ряды анархистов? Отрицание власти, революционного порядка, законности. Заполняя анархистские организации, преступные элементы переделывали их по своему образу и подобию. В данном случае мы имеем дело с определенным явлением, связанным с эволюцией русского анархизма. Развитие бандитизма под черным анархистским флагом создавало большую опасность для Советской власти. Она усугублялась тем, что продолжалось начавшееся еще до революции разложение старой армии, задевшее несознательных солдат и матросов даже тех частей, которые сыграли положительную роль в революции. Одним из опасных очагов анархо-бандитизма в Петрограде стала казарма второго балтийского флотского экипажа. Там размещались вместе с другими матросы с корабля «Республика». Председателем комитета части был А. Г. Железняков, к которому матросы-анар-

⁵⁶ «Протоколы Первого Всероссийского съезда анархистов-коммунистов». (Б.м.). 1919, стр. 22.

⁵⁷ «Буревестник», 22, 23. XII. 1917.

⁵⁸ «Буревестник», I. XII. 1917.

⁵⁹ Подсчитано по данным периодической печати и архивов.

⁶⁰ Бр. Гордины. Манифест пан-анархистов. М. 1918, стр. 54, 55.

⁶¹ Цит. по: Е. Н. Сагг. Op. cit. Vol. I, p. 161.

хисты все больше теряли доверие, так как он находился в тесном контакте с местными органами Советской власти и выполнял их распоряжения. Во флотском экипаже брала верх разгулявшаяся наиболее буйная часть матросов. Их вожаком стал старший брат Железнякова, выдававший себя за матроса с корабля «Республика», хотя в действительности он был гражданским матросом Волжского пароходства. Вот как описывает его В. Д. Бонч-Бруевич: Железняков-старший носил «какой-то фантастический полуматросский, полуштатский костюм с брюками и высокие сапоги бутылками». Ходил он вечно полупьяный. Войдя в одну из комнат Балтийского экипажа, представители Смольного встретили такую картину: Железняков-старший «сидел и чертил в воздухе пальцем большие кресты, повторяя одно слово: «Сме-е-е-рть!» и опять крест в воздухе: «Сме-е-е-рть!» и опять крест в воздухе: «Сме-е-е-рть!» и так без конца»⁶². К этим матросам и зачастую проповедники безвластия. 13 декабря 1917 г. на собрании Петроградской федерации анархистских групп матрос из второго флотского экипажа сообщал, что «идеи анархизма хорошо прививаются у них, что были лекции анархистов-синдикалистов, что матросы сочувствуют не только синдикализму, а и чистому анархизму»⁶³. В теории некоторые матросы разбирались слабо. Свое ухарство, озорство, стихийное бунтарство, явившиеся реакцией на муштру старых царских времен, они и принимали за анархизм. На такую «благодатную» почву и падали «семена» агитаторов безвластия. Всходы не заставили себя долго ждать. «У нас бунт! Власть решили взять в свои руки, аресты производят...», — докладывал матрос из второго флотского экипажа в Комитет по борьбе с погромами, созданный при Петроградском Совете и размещившийся в 75 комнате Смольного⁶⁴. Во второй флотский экипаж из Смольного была направлена следственная комиссия во главе с В. Д. Бонч-Бруевичем для разбора дела о самовольном аресте трех офицеров старой армии. Двоих из них бандиты с участием старшего Железнякова расстреляли, не дождавись конца следствия, третьего взяла под охрану комиссия из Смольного. Назревал конфликт. «Все страшно возбуждены. Рвутся на улицу, и еле-еле удается их сдержать»⁶⁵, — сообщал в Смольный А. Г. Железняков. Кстати сказать, в этом бунте матросов-анархистов из флотского экипажа проявилось одно из направлений той эволюции, которая вела анархизм на путь служения буржуазной контрреволюции. Основу этой эволюции составляло недовольство со стороны мелкобуржуазной стихии установившейся в результате победы революции диктатурой рабочего класса, принимавшей меры к утверждению строжайшего революционного порядка и социалистической законности в стране. Эту группу матросов, ставших объективно союзниками белогвардейцев, предстояло обуздать, предотвратить их преступное выступление против Советской власти. Для охраны столицы от пьяной орды погромщиков были приведены в боевую готовность Волынский и Егерский полки, а также броневики Петроградской крепости. К зданию флотского экипажа был выслан сильный дежурный отряд с десятью пулеметами. Тем временем в самом экипаже произошел раскол. А. Г. Железняков вместе с некоторыми членами комитета сумел увлечь за собой значительную часть матросов. Они зашагали к Смольному под улюлюканье и свист пьяной братии. Но и эта, отколовшаяся часть продолжала разлагаться, испытывая влияние анархистской пропаганды. Их пришлось разоружить. А. Г. Железняков отобрал из своей части около 200 человек, на которых можно было положиться, и попросил отправить его

⁶² В. Д. Бонч-Бруевич. Указ. соч., стр. 165—166.

⁶³ «Буревестник», 15. XII. 1917.

⁶⁴ В. Д. Бонч-Бруевич. Указ. соч., стр. 155, 156.

⁶⁵ Там же, стр. 169.

вместе с ними на фронт⁶⁶. В боях с белогвардейскими бандами на юге Украины «матрос Железняк» стал героем гражданской войны. Его подвиги воспеты в стихах и песнях. В народной памяти А. Г. Железняков оставил след не как участник анархистского движения, а как человек, прославивший имя свое беззаветной борьбой за победу Советской власти и подвигами в защиту социалистического государства.

Анархисты оказывали разлагающее влияние не только на матросов второго балтийского экипажа. В декабре 1917 г. с Украины в Петроград возвратился отряд кронштадтских матросов (500 человек)⁶⁷. Он разместился в помещении одного из училищ на Невском проспекте. Анархисты, которые имелись в отряде, достали вино и устраивали пьяные дебоши. Их сумели, однако, изолировать от остальных матросов. Зачинщики безобразий были под конвоем доставлены в Смольный⁶⁸. Во втором флотском экипаже продолжала оставаться взбунтовавшаяся группа матросов во главе с Железняковым-старшим. Но, узнав, что можно ждать «гостей из Смольного», она переполошилась. Часть «братьев», захватив винтовки и свой скарб, поспешила к Московскому вокзалу, где была обезоружена рабочими с помощью отряда латышских стрелков. Железняков-старший, почувствовав опасность, с небольшой группой сторонников бежал на юг. Там он исколесил немало дорог по разным губерниям страны, переходя из шайки в шайку, пока не был убит во время ликвидации одной из бандитских групп, действовавших против Советской власти.

В судьбах братьев Железняковых ярко отразились процессы, которые происходили в анархистском движении. Одни идеологи анархизма (Бр. Гордины, В. Волин, Лев Черный — псевдоним П. Д. Турчанинова) выступали против Советской власти, другие (А. Ге, А. Карелин) встали на путь сотрудничества с ней, третьи (И. Блейхман, Я. Новомирский, Е. Ярчук, И. Гроссман-Рошин) колебались между теми и другими. Первые отказались входить в Советы. Приверженцы вторых послали своих представителей в органы Советской власти, чтобы работать в них. Третьи пошли в Советы, чтобы попытаться разложить их. Они выдвинули лозунг «вольных Советов», которые не должны быть властью. В дальнейшем внутри каждого течения начались новые расколы, которые привели к новым перегруппировкам сил. Фундамент анархистского здания дал глубокую трещину. От отрицания всякого государства — основного положения в учении анархизма — его лидеры пришли к фактическому признанию пролетарского государства и стали сотрудничать с его органами. Конференция петроградских анархистов в ноябре 1917 г. делегировала в Петроградский Совет четырех человек⁶⁹. Им предоставили одно место⁷⁰. Не удовлетворившись этим, они просили ввести их представителя и в Исполнительный комитет. Просьба эта была удовлетворена. В протоколе заседания президиума Петроградского Совета было записано: «Допустить в Исполнительный комитет с правом голоса представителя федерации анархистов Гегера»⁷¹ (А. Ге). Постучались в двери Советов их единомышленники и в других районах страны. 6 декабря 1917 г., рассмотрев одно из таких заявлений, заседание Вологодского Совета постановило: «Предоставить Северной федерации анархистов-коммунистов право на представительство... в Совете»⁷². В Суджанском

⁶⁶ Там же, стр. 180.

⁶⁷ П. М а л ь к о в. Записки коменданта Кремля. М. 1962, стр. 93.

⁶⁸ Там же, стр. 98, 99.

⁶⁹ «Буревестник», 2.XII.1917.

⁷⁰ «Триумфальное шествие Советской власти». Документы и материалы. Ч. I. М. 1963, стр. 187.

⁷¹ ГАОРСС ЛО, ф. 1000, оп. 1, ед. хр. 27, л. 13.

⁷² «Борьба за власть Советов в Вологодской губернии». Сборник документов. Вологда. 1957, стр. 84.

и Фатежском (Курская губерния), Нижне-Ломовском и Чембарском (Пензенская губерния), Даниловском, Пешехонском и Рыбинском (Ярославская губерния), Рязанском, Смоленском и многих других уездах анархисты входили не только в Советы, но и в их исполнительные комитеты⁷⁵. Они посылали своих делегатов на областные и всероссийские съезды Советов. Их представители были избраны во ВЦИК и ЦИК областных Советов. В партийную фракцию во ВЦИК входили А. Ге, Ф. Горбов, А. Карелин и другие⁷⁶. Членами ЦИК Сибири стали И. Гейнцман, Ерыгин, а кандидатами — Таубе и Герх⁷⁷. Пост председателя Черемховского Совета (Иркутская губерния) занимал некоторое время анархист-синдикалист М. Буйских⁷⁸.

Отмечая появление нового течения в движении анархистов, В. И. Ленин указывал: «...в то время, когда одни анархисты с боязнью говорят о Советах, все еще находясь под влиянием устарелых взглядов, новое, свежее течение анархизма определенно стоит на стороне Советов, в которых видит жизненность и способность вызвать в массах сочувствие и творческую силу»⁷⁹. Войдя в Советы и их исполнительные комитеты, анархисты пытались навязать им свою политику по всем вопросам, в том числе и по вопросам строительства Советского государства. Ленинскому плану, намечавшему организацию советской федерации национальных республик, основанной на принципе демократического централизма, анархисты противопоставляли свой план децентрализации власти. Этим планом предусматривалось следующее: каждая личность вступает в соглашение с ей подобными, образуя коммуны; федерация коммун составит провинцию (город, волость, уезд, губернию, область), а из федерации провинций сложится всероссийская федеративная республика. Каждая означенная часть мыслилась как абсолютно самостоятельная и независимая единица. Увлечение идеей децентрализации привело к образованию «республик» в некоторых областях, губерниях, уездах и даже волостях. При таком распылении власти Советское государство не устояло бы против напора организованной силы контрреволюции. Сознавая эту опасность, большинство трудящихся стояло за крепкую власть Советов. Опыт Октября показал рабочему классу и трудовому крестьянству, что только централизация руководства, осуществлявшаяся партией большевиков, привела их к победе.

Выражая интересы трудового народа, фракция большевиков III Всероссийского съезда Советов 15 января 1918 г. приняла решение противодействовать децентралистским тенденциям и проводить линию на централизацию Советской власти, исходя из интересов социалистического переустройства общества⁸⁰. В противовес этой линии А. Ге заявил на съезде: «Та политика, которая проводится здесь, несомненно, проникнута духом централизма. Нам же нужно децентрализовать, строить снизу, создавая коммуны на местах»⁸¹. Но съезд отклонил зачитанный им проект резолюции и принял проект большевиков. Ленинский план государственного строительства приобрел, таким образом, силу закона. На его основе вырабатывалась Конституция РСФСР, принятая 10 июля 1918 года.

⁷⁵ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 3, ед. хр. 1, лл. 68, 85, 237, 346, 366; ед. хр. 3, лл. 63, 108, 124, 240; ед. хр. 4, лл. 25, 34, 83, 128, 145; ед. хр. 5, лл. 47, 149, 333.

⁷⁶ «Правда», 3. II. 1918; «Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва». М. 1920, стр. 39, 143—144.

⁷⁷ «Известия Комитета советских организаций Забайкальской области» (Чита), 7. III. 1918.

⁷⁸ «Борьба за власть Советов в Иркутской губернии». Сборник документов. Иркутск. 1957, стр. 98, 169.

⁷⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 35, стр. 282.

⁸⁰ «Правда», 30. I. 1918.

⁸¹ ЦГАОР СССР, ф. 1 235, оп. 2, ед. хр. 7, л. 38-в.

Борьба большевиков за проведение в жизнь ленинского принципа демократического централизма в государственном строительстве продолжалась и после III Всероссийского съезда Советов: «Анархисты не прекращали требовать передачи всей полноты власти на места. Порой их пропаганда не проходила бесследно. Анархистские идеи увлекали иногда некоторых руководящих деятелей Советов. В рассматриваемом плане представляют интерес записи в дневниках Д. А. Фурманова, который являлся в то время товарищем председателя Иваново-Вознесенского губисполкома. Вместе с группой эсеров-максималистов Д. А. Фурманов перешел в марте 1918 г. к анархистам. Говоря о своей работе в Совете, он писал: «Я гну определенную линию децентрализма»⁸². Следует подчеркнуть, что многие проводники этой политики советовали рабочим и крестьянам: «Бегите, хватайте, забирайте, отнимайте». Разумеется, Д. А. Фурманов не относился к числу таких. Но политика имеет свою объективную логику. И тот же Д. А. Фурманов встал на защиту тех, кто совершал неорганизованные захваты особняков буржуазии. В протоколе заседаний Иваново-Вознесенского Совета, обсуждавшего вопрос о самовольных захватах, встречается следующая запись: «Фурманов защищает право и учение анархистов»⁸³. Горячий сторонник Советской власти, Д. А. Фурманов тем не менее временно оказался в лагере ее противников, чьи действия подрывали престиж Советов⁸⁴. А с ними трудящимся было не по пути. «Рабочие за анархистами не пойдут»⁸⁵, — говорил на том же заседании большевик А. М. Жиделев. В этом можно было не сомневаться. Выражая волю трудящихся, Иваново-Вознесенский Совет предложил анархистам прекратить самочинные действия и предупредил, что иначе будут приняты самые решительные меры. Против дезорганизаторов выступил и губернский съезд Советов, заседавший в те дни. Указывая на то, что среди анархистов было много преступных, контрреволюционных элементов, М. В. Фрунзе говорил: «Советской власти приходится прибегать к мерам охранительного порядка»⁸⁶. Казавшаяся Д. А. Фурманову путеводной звездой идея начала гаснуть. Через два дня после заседания, на котором дезорганизаторы были осуждены, 26 апреля 1918 г. он записал: «Мы, анархисты, бродим вокруг да около, а открыто не хотим признаться в том, что для наших дней централизованная защита выгоднее, чем децентрализованная». Дальше он делал вывод: отказаться от централизованной защиты — значит загубить себя»⁸⁷. На этот опасный путь толкали Д. А. Фурманова его единомышленники Е. Ярчук и Г. Максимов, приехавшие в июне в Иваново-Вознесенск. Их речи на митингах и собраниях рабочих неизменно заканчивались лозунгами: «Долой Совнарком!» и «Да здравствует федерация вольных Советов!» Они хотели развенчать Советскую власть, а Д. А. Фурманов стремился сделать ее прочной. Его линия совпадала с политикой большевиков, но метод, избранный им, оказался ошибочным. Это показала жизнь. «Со своими синдикалистами во многом расхожусь, — признавался он, — а с большевиками сближаюсь»⁸⁸. Начавшееся расхождение должно было завершиться и действительно завершилось разрывом Д. А. Фурманова с анархистами. В июле 1918 г. он вступил в ряды партии большевиков.

⁸² Дм. Фурманов. Путь к большевизму. Л. 1927, стр. 182.

⁸³ Ивановский областной государственный архив (ИОГА), ф. 31, оп. 1, ед. хр. 34, л. 188.

⁸⁴ Д. А. Фурманов находился в рядах анархистов с марта по июль 1918 года.

⁸⁵ «Рабочий край», 28. IV. 1918.

⁸⁶ «Рабочий край», 10. V. 1918.

⁸⁷ Дм. Фурманов. Указ. соч., стр. 198.

⁸⁸ Там же, стр. 206.

Но вернемся к вопросу о самовольных захватах. Речь идет не только о захвате анархистами особняков, но и о попытках организовать захват предприятий. Нам надо «все производство, средства сообщения, все, что мы создаем и что потребляем... взять в свои руки»⁸⁹, — декларировал И. Блейхман в январе 1918 г. на конференции фабзавкомов Петрограда. Анархисты всех течений выступали против перехода предприятий в собственность Советского государства. Они полагали, что захваченные рабочие коллективами фабрики и заводы, торговые и другие предприятия, а также заселенные жильцами дома должны перейти в собственность тех, кто в них работает или живет. Таким путем они надеялись осуществить переход к коммунистическому производству и распределению. Иногда анархистам удавалось заставить рабочие собрания принимать решения о «взятии предприятий в свои руки». В этом отношении любопытна история национализации фабрик бывшего министра Временного правительства А. И. Коновалова в Бонячках и Каменке (Иваново-Вознесенская губерния). В связи с тем, что администрация распорядилась закрыть предприятия, 4 января 1918 г. рабочие на собрании приняли предложенную анархистом Романовым резолюцию: отныне фабрики «берутся в руки рабочих»⁹⁰. Узнав об этом, организация большевиков послала к рабочим товарища губернского комиссара труда А. Н. Асаткина, который разъяснил ошибочность принятого ими решения. И рабочие 12 января постановили: «Все имущество Коновалова конфискуется в пользу государства»⁹¹. А уже 27 января Совнарком утвердил декрет о национализации фабрик Коновалова⁹². История эта, как видим, довольно короткая, но знаменательная. В других случаях от провозглашения перехода завода или фабрики, шахты или рудника в собственность рабочего коллектива до национализации их проходило больше времени, но результат был таким же. Ошибки отдельных рабочих коллективов исправлялись в ходе строительства социалистического хозяйства. С полным основанием В. И. Ленин писал, что «ни одна фабрика не была «присвоена» рабочими, а все передавались в собственность республики»⁹³. Рабочий класс России отверг анархистскую программу захвата предприятий. Пройдя школу трех революций, он не мог не увидеть того, сколь вредны утопические прожекты немедленного перехода к коммунистическому производству и распределению. Не понимая закономерностей общественного развития, анархисты полагали, что переход к коммунизму будет совершен посредством одного большого скачка. Бр. Гордин рисовал такой скачок популярно, избрав форму сказки. Он писал о том, как ища лучшую долю, бедный крестьянин попадает в страну «Анархию», где нет начальства, нет правительства, всех кормят бесплатно и все трудятся по своим способностям и без всякой оплаты, осуществляя принцип распределения по потребностям⁹⁴. Подобное представление о переходе от капитализма к коммунизму как о мгновенном скачке было присуще не только индивидуалистам, но и большинству анархистов других течений. Вступая на путь революции, говорилось в открытом письме к большевикам, опубликованном в органе сибирских анархистов, «мы думали, что наступит рай земной»⁹⁵. Но, готовя победу Великого Октября, партия большевиков знала, что пролетарская революция от-

⁸⁹ ЦГАОР СССР, ф. 472, оп. 1, ед. хр. 7, л. 134.

⁹⁰ «Материалы по истории СССР». III. Рабочий контроль и национализация крупной промышленности в Иваново-Вознесенской губернии. М. 1956, стр. 98.

⁹¹ ИОГА, ф. 709, оп. 1, ед. хр. 20, л. 7.

⁹² «Национализация промышленности в СССР». Сборник документов и материалов. М. 1954, стр. 310.

⁹³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 328.

⁹⁴ Бр. Гордин. Почему? Или как мужик попал в страну «Анархия». М. 1918, стр. 34, 37 и др.

⁹⁵ «Сибирский анархист», 26. I. 1918.

крывает лишь путь для движения общества к светлому будущему и что переход от капитализма к коммунизму может быть только естественно-историческим процессом, который займет целую эпоху.

Чтобы заставить жизнь двигаться по начертанному ими пути, анархисты решили создать свои вооруженные дружины, которые позже стали называться «черной гвардией». Многие анархисты считали, что посредством оружия можно решить все социальные проблемы. У некоторых анархистских вожаков существовал прямо-таки культ оружия. Каждый из них стремился превратить себя в «ходячий арсенал». Об одном из таких анархистов рассказывал П. Д. Мальков, бывший в 1917 г. комендантом Смольного. Направленный им в декабре на ликвидацию заговора группы студентов и гимназистов отряд латышских стрелков натолкнулся на анархистов, возникла перестрелка, и один из анархистских вожаков был убит. На следующий день после стычки в комендатуру Смольного явился представитель анархистов. П. Д. Мальков так описывает его: «Волосы до плеч, борода клинышком, на голове мятая фетровая шляпа, на плечи накинута теплая пелерина — носили тогда такую одежду: пальто не пальто, а что-то вроде широкого балахона без рукавов. Вошел, сел без приглашения, небрежно развалившись на стуле. В углу рта дымится изжеванная папироса»⁹⁶. Визитер оказался известным идейным анархистом. Он потребовал, чтобы его пропустили к В. И. Ленину для разговора об организации похорон убитого. Мальков разъяснил, что вопрос, по которому явился посетитель, может быть решен и без главы Советского правительства, добавив, что если прибывший перестанет фокусничать, то можно будет пропустить его к управляющему делами СНК В. Д. Бонч-Бруевичу. Визитер вскипел: «Что значит фокусничать?» — «А то. Вынь сначала бомбы, — комендант ткнул пальцем во вздувшуюся возле пояса пузырем пелерину, — отдай пистолет, вот тогда я, так и быть, спрошу Бонч-Бруевича, захочет ли он с тобой разговаривать». Анархист, как пишет Мальков, гулко расхохотался, обнажив гнилые, прокуренные зубы. Но «боевику» ничего не оставалось, как «разоружиться». Распахнув пелерину, он вытащил из-за пояса несколько ручных гранат-бутылок и здоровенный кольт, а из обоих карманов брюк — по нагану. Весь свой «арсенал» визитер выложил на стол коменданта Смольного⁹⁷.

Нередко лица, подобные описанному, стояли во главе отрядов «черной гвардии». С помощью этих отрядов анархисты начали строить «коммуны», которые не собирались заниматься производством. Многочисленные заявления анархистов об организации коммунистического производства оставались пустой фразой. В этом нетрудно было убедиться, посетив «образцовую коммуну» московских анархистов, организованную в бывшем купеческом клубе. Захватив 31 января 1918 г. его помещение (по Малой Дмитровке, дом № 6), секретарь федерации Лев Черный, ее казначей В. Бармаш, члены ее совета Ф. Крупенин, А. Гордин и другие заявили, что наличные деньги, бумаги и прочее имущество клуба «перешло... в ведение Московской федерации анархистских групп»⁹⁸. Коммуну называли «Домом анархии». Кто входил туда, тот приобретал право получать «по потребностям». И действительно, все виды довольствия выдавались там без ограничения и без всякой оплаты. Но «коммуна» не занималась производством. За счет какого же источника ей удавалось наладить такое снабжение своих «коммунаров»? Дело, оказывается, в том, что запасы «образцовой коммуны» постоянно пополнялись путем проводившихся отрядами «черной гвардии» грабежей частных лавок, магазинов и складов. Анархисты присваивали не только

⁹⁶ П. Мальков. Указ. соч., стр. 90.

⁹⁷ Там же, стр. 92.

⁹⁸ ГАОРСС МО, ф. 4619. оп. 2 ед. хр. 150. л. 15.

съестные припасы, но и промышленные товары⁹⁹. За счет грабежей им жилось недурно в особняках, и это тогда, когда рабочие сидели на голодном пайке¹⁰⁰. «Черногвардейцы» обильно снабжали свои «коммуны» и хмельным. В одном только подвале виноградных вин торгового дома Егора Леве (по Большой Дмитровке, дом № 24) отряд «Смерч» захватил 8 214 ведер вина¹⁰¹. «Дом анархии» стал местом пьяных оргий.

Подобными действиями анархисты позорили великие идеи коммунизма. Зато их заслуги оценила буржуазия, и ее идеологи стали усиленно расхваливать анархистов. В их ряды потянулись буржуазные сынки. Войдя в отряды «черной гвардии», белогвардейские офицеры проникли в ее штаб и перешли к методическому захвату зданий в Москве, учитывая их стратегическое значение¹⁰². Они стремились окружить Московский Совет, готовя контрреволюционный мятеж.

В Москве появлялись все новые и новые отряды «черной гвардии», прибывали отряды и из других городов. Характеризуя их состав и рисуя портрет одного из руководителей анархистов, корреспондент московской газеты писал: «Кожаная куртка, матросские брюки, форменная фуражка семинаристского типа. Исхудалое плутоватое лицо, длинные локоны. Грызет ногти и сосет сигару, которая толще его самого. Был волостным писарем, служил у земского начальника, в земельном банке. В Самаре подобрал себе 8 или 10 молодцов (точно не помнит, сколько). Один — выгнанный из 3 класса гимназии уже в 1917 году, другой — выгнанный из другого училища, третий выгнан неизвестно откуда и т. д. В Самаре сказали, что едут на фронт, и просили снабдить их удостоверениями. Им указали, что теперь нет отправления на фронт. Но они все-таки поехали «на всякий случай» в Москву. Здесь их приютила группа «Грахом» в Чудовском переулке»¹⁰³. Наплодилось в Москве до 50 таких отрядов¹⁰⁴. Все они «творили» анархию на улицах города, то есть бесчинствовали. Часть идейных анархистов не одобряла действий «черной гвардии». Бр. Гордин протестовал, что именем федерации «совершались гнусности, подлости, низости, убийства, грабежи»¹⁰⁵. Но дальше словесного осуждения творцов гнусностей идейные вожди анархизма не шли. Органы Советской власти предложили Московской федерации разоружить «черную гвардию». Федерация не подчинилась этому требованию. Тогда Совет Народных Комиссаров Москвы и Московской области постановил: «Немедленно приступить к разоружению анархистов»¹⁰⁶. Сначала разоружали отдельные отряды, а затем, в ночь на 12 апреля, органы ЧК при поддержке советских войск провели общую операцию по разоружению анархо-банд. Результаты сказались незамедлительно. Преступность в Москве сократилась на 80%¹⁰⁷. «Черная гвардия» была разоружена также в Петрограде, Вологде, Витебске, Смоленске и других городах.

Анархисты пытались защищать свои преступные банды. На это рабочие ответили весьма решительно. «Всякие попытки борьбы против власти Советов, под каким бы флагом они ни проводились, должны пресекаться в корне, — говорилось, например, в резолюции рабочих фабрики «Скороход» в Петрограде. — Товарищи идейные анархисты должны знать, что, если они становятся на путь борьбы против Советов, они

⁹⁹ Там же, ф. 2 122, оп. 1, ед. хр. 630, л. 138.

¹⁰⁰ В. Залужский. Указ. соч., стр. 33.

¹⁰¹ ГАОРСС МО, ф. 4 619, оп. 2, ед. хр. 180, л. 12.

¹⁰² «Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов гор. Москвы и Московской области» (в дальнейшем — «Известия Советов Москвы»), 21. IV. 1918.

¹⁰³ «Известия Советов Москвы», 14. IV. 1918.

¹⁰⁴ «Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва», стр. 153.

¹⁰⁵ «Анархия», 3. IV. 1918.

¹⁰⁶ ГАОРСС МО, ф. 4 619, оп. 2, ед. хр. 1, л. 26 (СНК Москвы и Московской области существовал с марта по июнь 1918 г.).

¹⁰⁷ «Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва», стр. 155.

этим, вольно или невольно, играют на руку контрреволюции. Долой дезорганизаторов пролетарских рядов! Да здравствует революционная дисциплина! Да здравствует власть Советов рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов!»¹⁰⁸. С предостережением рабочего класса анархисты вынуждены были считаться, чтобы сохранить хоть какое-то влияние. Стремясь удержать за собой ту часть рабочих, солдат и матросов, которая раньше шла за ними, анархистские вожаки нередко прибегали к демагогии. Отмечая это, нельзя, однако, относить всех их к категории демагогов. Имелись в их среде и неисправимые утописты. О наличии этих двух типов деятелей в анархистском движении говорили сами его участники. Анархист-пропагандист, по свидетельству Н. Гордого, был или демагогом, или абстрактным мыслителем¹⁰⁹. Тот и другой дополняли друг друга. Утопии, столкнувшись с жизнью, лопались, как мыльные пузыри. Демагогия разоблачалась, и факты из жизни анархистских организаций выступали перед взорами людей во всей своей «неприглядной наготе».

Из многочисленных анархистских измышлений и утопических проектов остановимся лишь на одном — «уничтожении денег». Ставя вопрос о необходимости использования денежного обращения для строительства социализма, партия большевиков хорошо осознавала то, что в будущем коммунистическом обществе оно станет излишним. Деньги не нужно «уничтожать», они отомрут сами в свое время. Не понимая того, что денежное обращение необходимо в деле строительства коммунизма, анархисты требовали немедленно уничтожить деньги. «На что нам деньги нужны? Нам деньги не нужны... Рабочий класс не нуждается в деньгах»¹¹⁰, — заявлял И. Блейхман. А газета Московской федерации анархистов «Анархия» даже опубликовала «Декрет анархиста», один из пунктов которого гласил: «Все денежные знаки теряют всякое значение»¹¹¹. Естественно, никто из здравомыслящих людей этот декрет не принимал всерьез, и он оставался пустой бумажкой, но только не для утопистов.

Май 1918 года. Ростов-на-Дону. К городу подходят немецкие войска и отряды белогвардейцев. А в это время ростовские анархисты на городской площади, свалив в кучу акции, облигации и различные ценные бумаги, взятые из банков, сжигают их¹¹². Наивные люди полагали, что совершают великое дело: уничтожают капитал. А вот другая картина. Далекая Сибирь. Город Чита. 26 августа. Отряд анархистов во главе с Пережогиным «штурмует» отделение государственного банка. Захватив золото, отряд бежит на Восток. На станции Куэнга грабители рубят слитки золота топорами, деля их между собою. Потом они врываются в Благовещенск, где пытаются устроить «коммунистические» порядки. Бочками подкатывают к месту, где расположились, водку, пьянствуют, дебоширят, реквизируют все, что им попадает под руки. Пытаются и там повторить историю с ограблением банка, но эта затея не удается. Главарь банды убит, а остальные разбежались¹¹³. Таких «подвигов» во имя завладения «золотым тельцом» анархисты совершили немало. Они не только «чистили» сейфы банков, кассы кооперативов и государственных предприятий, но и предпринимали спекулятивные махинации. Как известно, за участие в спекуляции опиумом был исключен из состава ВЦИК и привлечен к уголовной ответственности анархист Ф. Горбов¹¹⁴,

¹⁰⁸ «Правда», 17. IV. 1918.

¹⁰⁹ «Через социализм к анархо-универсализму». 1921, № 2, стр. 7.

¹¹⁰ ЦГАОР СССР, ф. 472, оп. 1, ед. хр. 7, л. 214.

¹¹¹ «Анархия», 3. III. 1918.

¹¹² М. Чуднов. Под черным знаменем. М., 1930, стр. 210.

¹¹³ В. В. Рябиков. Центросибирь. Новосибирск. 1949, стр. 115, 117, 119.

¹¹⁴ «Известия ВЦИК», 2. IV. 1918; «Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва», стр. 167.

получивший мандат от Черемховских рабочих. Разумеется, спекулянтами и грабителями были не все сибирские анархисты. Герой гражданской войны в Сибири Н. А. Каландарашвили — анархист-коммунист, активно сотрудничал с большевиками, а затем вступил в Коммунистическую партию. Организатор первого бурятского партизанского отряда П. С. Балтахинов тоже в свое время отдавал дань анархизму, но, убедившись в ошибочности этого течения, порвал с ним и перешел к большевикам. Идеальный вождь сибирских анархистов И. М. Гейцман сотрудничал с большевиками и исполнял одно время обязанности комиссара по иностранным делам в правительстве Сибири.

Во время гражданской войны перед последователями Бакунина, Кропоткина и анархизма других направлений встал вопрос: идти ли вместе с Советской властью или с белогвардейскими генералами и интервентами? Для честных революционеров, а они имелись среди анархистов, на этот счет не существовало сомнений. Они сражались за Советскую власть в рядах Красной Армии, как матрос Железняк, или в партизанских отрядах, как Н. Каландарашвили и П. Балтахинов. «Прозрела» даже часть тех анархистов, кто выступал раньше против Советской власти. Любопытен в этом отношении следующий факт. 25 ноября 1918 г. группа А. Л. Гордина обратилась к рабочим с воззванием, призвав их сплотиться вокруг Советской власти, против Колчака¹¹⁵. Этот поворот части анархистов совпал с поворотом мелкой буржуазии, наступившим осенью 1918 года. Весной и летом этого года в Поволжье, Сибири и других районах страны мелкобуржуазные массы и среднее крестьянство в том числе поддержали контрреволюционные кулацкие мятежи, организованные меньшевиками и эсерами вкупе с белогвардейцами. В выступлениях контрреволюции не обошлось и без анархистов. Установленная мятежниками в тех районах «демократическая» власть являлась лишь ступенькой к диктатуре белогвардейских генералов и адмирала Колчака. Испытав колчаковщину, восстановившую кровавую диктатуру буржуазии и помещиков, мелкобуржуазные массы убедились, что они смогут избавиться от господства капиталистов и помещиков только в сотрудничестве с Советской властью. Под влиянием этих фактов и всей международной обстановки начался новый поворот среди части мелкой буржуазии к сотрудничеству с Советской властью¹¹⁶. В рядах мелкой буржуазии возник раскол: те, кто продолжал сотрудничать с белогвардейцами, еще крепче привязали себя к кровавой колеснице злейших врагов народа. Другие, осознав свои ошибки, перешли на сторону большевиков. Третьи стремились занять нейтральную позицию, удержаться на которой оказалось невозможно. Такой же процесс развивался и среди анархистов. Выше отмечалось, что А. Л. Гордин предлагал своим единомышленникам сплотиться вокруг Советской власти, против Колчака. Другие анархисты пошли еще дальше. На заседании союза «Голос труда» в ноябре 1918 г. Рабочий Альфа (псевдоним А. М. Аникста), Е. Бендецкий и А. Лисс внесли резолюцию, в которой признавалась необходимость диктатуры пролетариата для перехода от капитализма к социализму и выражалась готовность работать «рука об руку с партией коммунистов (большевиков), став членами партии»¹¹⁷. Большинство союза отвергло резолюцию. Авторы ее порвали с «Голосом труда» и вступили в партию большевиков. Воззвание А. Л. Гордина московские анархисты тоже отвергли. Но открыто встать на сторону белогвардейских генералов они не решились, а продолжали осуждать диктатуру пролетариата, призывали распустить Красную Армию, выступали против продовольственной разверстки и других мероприятий большеви-

¹¹⁵ Я. Яковлев. Указ, соч., стр. 66.

¹¹⁶ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 194.

¹¹⁷ «Правда», 16. 1. 1919.

ков, направленных на защиту Советской власти. Некоторые вожди и активные деятели анархистского движения (В. Волин, К. Ковалевич) отправились к Махно воевать за «вольные Советы». Их единомышленники из «чернознаменцев», «безвластников», «безначальников», «непримиримых анархистов» создали мелкие нелегальные группы для борьбы против Советской власти. Параллельно с ними оформилась и действовала в Москве «Всероссийская организация анархистов подполья», связанная непосредственно со штабом Махно. Эта контрреволюционная организация ставила своей целью борьбу с Советской властью путем террора, экспроприации, организации крестьянских восстаний¹¹⁸. Ее представители заключили союз с левыми эсерами и меньшевиками. Деятели этого блока 26 сентября 1919 г., во время наступления Деникина на Москву, бросили бомбу в помещение Московского комитета большевиков в Леонтьевском переулке¹¹⁹. Террористы убили 13 человек, в их числе секретаря МК В. М. Загорского. 28 человек получили ранения и контузии. Были ранены А. Ф. Мясников, М. С. Ольминский, М. Н. Покровский, Ем. Ярославский и другие видные деятели партии.

Рабочие московских предприятий предлагали ответить на эти акции красным террором. Рассмотрев вопрос о мерах борьбы с анархистами, организовавшими взрыв в МК, Пленум ЦК большевиков решил, однако, продолжать работу карательных органов Советской власти обычным порядком, обезвреживая контрреволюцию. Отмечая прочность Советской власти, Пленум ЦК РКП(б) в своем постановлении записал: «Взрыв Московского комитета не должен отразиться на обычной деятельности ВЧК и ГубЧК»¹²⁰. Подпольная деятельность террористов составляла часть анархистского движения. Другие анархисты продолжали вести легальную работу. Как же они реагировали на преступный акт? Многие из них отмежевались от террористов и осудили их действия. Но рабочие требовали от анархистских вожаков большего, а именно — активного участия в защите Советской власти. Пребывая в плену старых воззрений, многие деятели анархизма оказались неспособными на такой шаг. Сохранявшие свои связи с анархистскими организациями рабочие были недовольны такими вожаками. Выражая свой протест, они покидали анархистские организации. «От анархизма остаются только «генералы»¹²¹, — отмечал бывший анархист С. Постников. Анархистские газеты теряли своих читателей. Постепенно обезлюдели и клубы анархистов. Их организации распались. В мае 1920 г. вожак вологодских анархистов А. Федоров писал: «В настоящее время организация не существует»¹²². Значительно сузилась «география» анархистских групп. Количество городов, в которых они имелись, в 1919 г. сократилось до 17, а в 1920 г. — до 13¹²³.

Продолжался в то же время процесс перехода честных революционеров из бывших анархистов на позиции партии большевиков. Указывая, что это единственно верный путь, бывший видный анархист-коммунист Я. Новомирский писал: «Назовите себя, как вам угодно: интернационалистом, левым эсером, максималистом, революционером-коммунистом или анархо-синдикалистом, — вы неизбежно придете постучаться в двери Российской Коммунистической партии, если вы искренне стоите

¹¹⁸ Подробнее об этом см.: С. Н. Семанов. Указ. соч.; Д. Л. Голиков. Разгром очагов внутренней контрреволюции в Советской России. «Вопросы истории», 1968, № 2, стр. 155—159.

¹¹⁹ «Правда», 27. IX. 1919.

¹²⁰ «Известия ЦК РКП (б)», 22. X. 1919.

¹²¹ «Известия ВЦИК», 25. XII. 1919.

¹²² Партархив Вологодского обкома КПСС, ф. 1853, оп. 4, ед. хр. 60, л. 16.

¹²³ Подсчитано по данным периодической печати, а также сборника статей «Петр Кропоткин». П.-М. 1922, стр. 247—248.

за рабочих и за революцию и в душе своей порвали окончательно и бесповоротно с буржуазией¹²⁴.

Партия большевиков отвоевала у анархизма самых лучших, честных революционеров, примыкавших прежде к движению под черным флагом. По данным партийной переписи 1922 г., в составе партийных организаций Российской Федерации насчитывалось 432 бывших анархиста¹²⁵. Русский анархизм терял последние силы. Анархизм — «полуживой труп»¹²⁶, — справедливо отмечала З. Молоканина, в свое время активно участвовавшая в пропаганде его идей. Что же осталось от желания горе-революционеров совершить социальную революцию, в результате которой они намеревались сразу установить коммунизм, перешагнув через все промежуточные станции на этом пути? Отвечая на этот вопрос, одна из представительниц анархистского движения, З. Воронина, писала: «В капризном негодовании бежит, шипит и пенится одна сердитая волна. Она хочет сразу снести весь утес, и в негодовании она ворчит, что предыдущий гребень случайный, что он со злым умыслом обогнал ее и что она хочет быть впереди, но в стремлении она теряет силы, рассыпаясь на мелкие брызги, даже не долетающие до утеса. Это старый, бурливый, ворчливый, сердитый анархизм...»¹²⁷. Действительно, анархизм «рассыпался на мелкие брызги», на враждовавшие между собой группы и группочки. Многие из них выражали недовольство совершившейся социалистической революцией. Ей анархисты противопоставляли анархическую, или «третью революцию», которая, по их плану, должна была свергнуть диктатуру пролетариата. Цели «третьей революции» совпадали с целями буржуазно-помещичьей контрреволюции, ведшей отчаянную, кровопролитную вооруженную борьбу за свержение Советской власти. Так анархизм оказался союзником злейших врагов народа. Превратившись в резерв контрреволюции, он все полнее разоблачал себя.

Не считаясь с этим фактом, его закоренелые приверженцы пытались восстановить утраченный анархизмом престиж, еще раз вдохнуть в него жизнь. В результате осенью 1920 г. возникло новое течение, именовавшее себя анархизмом-универсализмом. Оно пыталось соединить догмы анархизма, синдикализма и индивидуализма с идеями мировой коммунистической революции. «Универсалисты» высказывали убеждение, что идеи анархизма неосуществимы в рамках одной страны, и заявляли, что анархическая революция будет мировой революцией, которая приведет к созданию «союза личностей», охватывающего все человечество. Основателем новой школы являлся А. Л. Гордин. Излагая свою платформу, он заявлял, что пришел к признанию необходимости диктатуры рабочего класса для перехода к социализму¹²⁸. Адепты нового течения выступали за создание централизованной организации. «Многие скажут, что это будет партия, пусть будет так. Но может ли быть другой путь? — Нет и еще раз нет»¹²⁹, — писал «универсалист» И. Шапиро.

Такая постановка вопроса об отношении анархистов к партии противоречила основам анархистского учения. Отрицание необходимости политической партии для руководства освободительной борьбой трудящихся, строительством коммунистического общества было одним из краеугольных камней системы анархистского мировоззрения. Жизнь по-

¹²⁴ «Правда», 19. V. 1920.

¹²⁵ «Всероссийская перепись членов РКП(б) 1922 года». Вып. 3-й. М. 1922, стр. 39, 41, 45, 51, 53; вып. 2-й, стр. 65. Кроме того, в партийных организациях Украины, Азербайджана, Армении, Грузии, Киргизии и Туркестана насчитывался 201 бывший анархист, а всего по РКП (б) — 633.

¹²⁶ «Через социализм к анархо-универсализму», 1921, № 2, стр. 42.

¹²⁷ «Через социализм к анархо-универсализму», 1921, № 1, стр. 30.

¹²⁸ Я. Яковлев. Указ. соч., стр. 67.

¹²⁹ «Универсал», 1921, № 1—2, стр. 11.

казала полную несостоятельность анархистского отрицания партийности. И русские анархисты высказались за создание партии. Это ли не свидетельство краха идей анархизма? Гординскую платформу подписали многие анархисты, сидевшие в тюрьмах за участие в махновщине и в других вооруженных выступлениях против Советской власти. Среди них имелись и такие закоренелые ее враги, как Лев Черный, вставший сразу после победы Октября на путь непримиримой борьбы против диктатуры рабочего класса. Он, подобно многим анархистам, подписавшим платформу А. Л. Гордина, признавал Советскую власть лишь на словах. Установить искренность признания могла только практическая деятельность анархистов. Тех из них, кто заявил об отказе от борьбы против Советской власти, освободили из мест заключения. Приверженцы нового течения создали Всероссийскую секцию анархистов-универсалистов.

В каком же направлении появившаяся секта развернула свою деятельность? Кончилась гражданская война. Возникли новые трудности для Советской власти, вызванные колебаниями середняка в связи с его недовольством продовольственной разверсткой. Вновь поднялась мелкобуржуазная, анархическая стихия, проявившая себя даже на предприятиях Москвы, Петрограда и некоторых других городов. Обнаружившиеся колебания у некоторых рабочих явились результатом деклассирования части рабочего класса, порожденного разрухой и голодом, вынужденной заменой кадровых рабочих на производстве выходцами из мелкобуржуазной, крестьянской среды. К тому же начавшаяся демобилизация армии после длительной и тяжелой войны ожидала сотни тысяч людей, не находивших из-за разрухи занятия в народном хозяйстве. Все это способствовало усилению анархистской стихии. Воспользовавшись этим, мелкобуржуазная контрреволюция стремилась свергнуть Советскую власть. В. И. Ленин предупреждал, что эта мелкобуржуазная контрреволюция была более опасной для диктатуры пролетариата, чем Деникин, Юденич и Колчак, взятые вместе¹³⁰. Анархисты опять оказались в лагере врагов Советской власти. Большинство «универсалистов» отлучило Гордина, высказавшегося за признание диктатуры пролетариата, от анархизма. В секции произошел раскол. Гординцы основали новое общество, принявшее наименование «Организация анархистов-универсалистов (интериндивидуалистов)»¹³¹. Если в этой организации было что-либо новое по сравнению с секцией, то лишь подчеркивание первенствующей роли индивидуализма. Но она принадлежала все к тому же «универсалистскому» течению. У «универсалистов» не осталось и следа от признания диктатуры рабочего класса. Из гординской платформы сохранилось лишь положение о единой централизованной организации. В дни кронштадтского мятежа «универсалисты», как и все остальные анархисты, за исключением небольшой группы «интериндивидуалистов», выступили под лозунгом «третьей революции», то есть свержения Советской власти. Тут они полностью солидаризировались с руководителями мятежа, объявлявшими свое контрреволюционное восстание «третьей революцией». Мятежники подхватили и лозунг «вольных Советов», написав на своем знамени: «Вся власть Советам, а не партиям». Кронштадтские анархисты вошли в состав мятежного «ревкома», за спиной которого стоял бывший царский генерал А. Козловский. В Петрограде анархисты распространяли на предприятиях и улицах листовки, призывая рабочих и вообще население поддержать мятежников, и вступили в союз с подпольной антисоветской организацией, которую возглавлял бывший помещик-монархист В. Н. Таганцев¹³². Московские анархисты пыта-

¹³⁰ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 43, стр. 24.

¹³¹ «Универсал», 1921. № 1—2, стр. 25.

¹³² ГАОРСС ЛО, ф. 1 000, оп. 5, ед. хр. 20, л. 8.

лись создать «Анархистский совет содействия», составленный из представителей всех их течений, в том числе и «универсалистов». Организаторы этого совета придавали своему «детищу» решающую роль в осуществлении «третьей революции»¹³³. Но ставка на свержение Советской власти провалилась. Контрреволюционный мятеж в Кронштадте был разгромлен.

Советская Родина встала на путь хозяйственного возрождения на основе новой экономической политики. Как же в этих условиях повели себя анархисты? Российская конфедерация анархо-синдикалистов решила «борьбу с коммунистами не прекращать, от всеобщей стачки не отказываться, даже в применении к Советской власти»¹³⁴. Такие позиции заняла и Всероссийская федерация анархистов-коммунистов. Толкуя нэл как отступление к капитализму, все анархистские течения пытались привлечь несознательную часть рабочих на свою сторону. Но рабочие с каждым днем все больше убеждались в благотворных результатах политики большевиков. Анархисты же не могли противопоставить ей ничего положительного. В поисках новых возможностей они пытались внедриться в кооперацию. Уже в 1918 г. стало складываться еще одно течение в анархизме, стремившееся соединить учение Кропоткина с кооперативным движением. Вождями этого течения выступали А. Атабекян и А. Карелин. Они противопоставляли кооперацию Советскому государству и требовали передачи ей эмиссионного дела, отделения всех общественных служб от государства¹³⁵. Если раньше отцы анархии отрицали институт права, то анархо-кооператоры решили «развить» это учение. А. Атабекян писал: «Анархизм отрицает не право вообще, а монополию государственной власти устанавливать правовые нормы и принудительно их проводить в жизнь»¹³⁶. Отрицание института права вытекало из отрицательного отношения основоположников анархизма к государству. Приведенное высказывание А. Атабекяна говорит о перемене во взглядах анархистов на правовые вопросы. Новое течение стремилось приспособиться к диктатуре рабочего класса, отражая поворот мелкобуржуазной анархической стихии, путившейся в связи с нэпом в торгашество, в погоню за наживой на базе частнокапиталистического предпринимательства. Отсюда вытекало требование анархо-кооператоров, чтобы Советское государство отказалось от применения ограничительных мер против мелких хищников капиталистического накопления. О защите анархистами нэлманов свидетельствовало и то, что они предлагали Советскому государству не препятствовать распространению буржуазной идеологии. Орган анархо-кооператоров, журнал «Почин», выступал за «свободное соревнование противоположных идей»¹³⁷. На деле это означало, что под флагом аполитичности анархисты объективно помогали внедрению буржуазной идеологии в кооперативное движение. Таким образом, анархо-кооперативная политика была все той же старой демагогической политикой, которая вызывала лишь отвращение у трудящихся. Работа в кооперации требовала умения вести хозяйство. Таких качеств у анархистских вожakov не было, да к тому же они считали для себя унизительным учиться хозяйствованию. Попыткой овладеть кооперацией анархисты еще раз доказали свою неспособность к положительной работе по строительству новой, социалистической жизни, к которой стремились трудящиеся.

Параллельно с анархо-кооператорами продолжали действовать анархистские группы других направлений. Ничего «нового» в свою проповедь избитых старых догм анархизма они уже не вносили. Что касает-

¹³³ «Справочник партийного работника». Вып. II. М. 1922, стр. 106.

¹³⁴ Там же, стр. 107.

¹³⁵ «Почин», 1919, № 1, стр. 4; 1920, № 5, стр. 4; 1922, № 4—5, стр. 2.

¹³⁶ «Почин», 1922, № 2, стр. 7.

¹³⁷ «Почин», 1922, № 10, стр. 4.

ся их практической деятельности, то в этой области они продолжали идти по проторенной дорожке экспроприаций. Если до революции анархисты объявляли свои экспроприации («эксы») одной из форм борьбы с буржуазией, то после Октября «эксы» выродились в прямые акты грабежа. Нередко объектами вооруженных грабежей оказывались кассы социалистических предприятий и советских учреждений. Охотников участвовать в преступных актах среди честных советских людей анархисты не находили, и тогда они обратили свои взоры вновь к уголовному миру, блокируясь с ним. Так, московские анархисты вступили в союз с бандитами из Марьиной рощи «Братское сердце» и воров-рецидивистом Файером. Подпольная группа анархо-бандитов во главе с Львом Черным в августе 1921 г. совершила несколько вооруженных налетов в Москве с целью ограбления касс советских учреждений, но была выловлена московскими чекистами. Следствие по этому делу показало, что анархо-грабители вели подготовку к печатанию фальшивых денег. Так «идейные» анархисты докатились до того, что стали фальшивомонетчиками (при аресте у Черного были изъяты литографские камни, краски и бумага, приготовленная для печатания денег). Эта группа уголовных преступников (10 человек) была расстреляна по постановлению МЧК¹³⁸. На путь прямого союза с ворами-рецидивистами встала и подпольная группа «Безвластье» в Петрограде. Она не брезговала ни убийствами с целью ограбления на улицах, ни расхищением икон, серебряных и других вещей из склепов на кладбищах¹³⁹. Бандитов поймали и по приговору Ревтрибунала расстреляли. И эта группа тоже пыталась организовать печатание фальшивых денег. Вот оно, «последнее слово» русского анархизма! Он перестал быть политическим течением в рабочем классе. Этого уже не могли отрицать даже сами анархисты. «Что касается современной русской действительности, изменившегося курса советской политики в России, то я считаю, что в настоящее время вообще невозможно распространение идей анархизма»¹⁴⁰, — писал 20 сентября 1921 г. старый его проповедник Н. Павлов. И он был прав. Несостоятельность анархистского учения стала очевидной даже самым отсталым слоям трудящихся. Утратив последние крохи своего влияния на рабочих и крестьян, активные деятели анархизма (В. Волин, Г. Максимов, Е. Ярчук и другие) обратились к Советскому правительству с просьбой разрешить им выехать за границу. Их желание было удовлетворено. Оказавшись за рубежом Родины, они слились с белогвардейской эмиграцией. Их принял в свое лоно анархистский, IV Интернационал, не без основания рассчитывая опереться на них в своем антисоветском походе.

Таков был бесславный конец русского анархизма. Его погубили не только уголовные элементы, которые льнули к нему со всех сторон, но и собственные коренные пороки, выявившиеся с полной очевидностью как в ходе революции, так и в первые годы социалистического строительства в нашей стране. Нельзя не согласиться с мнением, высказанным видными деятелями «анархо-коммунизма и анархо-синдикализма» в 1923 г. о том, что крах анархизма был обусловлен самой системой взглядов этого учения¹⁴¹. Партия анархистов, подобно всем мелкобуржуазным партиям, колебалась между революцией и контрреволюцией, скатываясь к контрреволюции. Все, кто был честен, отходили от анархистского движения и приходили к коммунистам.

¹³⁸ «Известия ВЦИК», 30. IX. 1921.

¹³⁹ «Петроградская правда», 14. III. 1922.

¹⁴⁰ «Известия ВЦИК», 30. IX. 1921.

¹⁴¹ «Правда», 7. IX. 1923; «Известия ЦИК СССР», 9. IX. 1923.